

«50 лет назад Клаус Шваб впервые выдвинул теорию о том, что бизнес должен нести ответственность не только перед своими акционерами, но и перед всеми заинтересованными сторонами. Сегодня, когда глобальная экономическая система порождает глубокие разногласия и неравенство, Клаус вновь призывает нас к такой форме капитализма, учитывающей интересы всех сторон, при которой бизнес не только берет что-то у общества, но и вкладывает в него, способствуя изменению к лучшему. Эта книга — настоятельный призыв к действию».

– *Марк Бениофф, председатель и CEO Salesforce*

«Если вы думаете, что перед вами очередная книга из серии «до и после COVID-19», то ошибаетесь. Опираясь на свой богатый опыт, Клаус Шваб приглашает нас в головокруглительное путешествие сквозь взлеты и падения послевоенного капитализма. Его умение рассказывать об экономике дает достоверное и глубокое представление о том, куда мы движемся и к чему должны стремиться».

– *Александр Де Кроо, премьер-министр Бельгии*

«Мы больше не можем позволить себе жить одним днем. Компании должны отвечать не только перед своими акционерами, с них нужно спрашивать и в отношении более глобальных проблем. В разгар кризиса, вызванного COVID-19, Клаус Шваб показывает, что просто вернуться к работе уже не удастся. Он побуждает нас взглянуть на нынешнее проявление глобальной солидарности между людьми, компаниями и правительствами в ответ на кризис здравоохранения и увидеть в этом единственно правильный путь к новой парадигме решения климатического кризиса и роста неравенства в мире».

– *Анджелика Киджо, музыкант и Посол доброй воли ЮНИСЕФ*

«На протяжении полувека Клаус Шваб остается последователен в убеждении, что компании могут приносить значительную прибыль своим акционерам и одновременно способствовать решению задач общества. Сегодня мир понял, что задуманная им система – то, что мы называем капитализмом для всех заинтересованных сторон, – способна лучше, чем любая другая, привести капитал к этим результатам».

– *Брайан Мойнихен, председатель правления, главный исполнительный директор Bank of America*

«Эта книга предлагает актуальный анализ того, как неолиберальная экономическая система предоставляет привилегии миллиардерам и сырьевым корпорациям в ущерб достоинству людей и сохранению нашей планеты. В ответ на отчаяние, экономическое, гендерное и расовое неравенство, усиленные пандемией COVID-19, правительства вместе с заинтересованными сторонами должны решительно отказаться от капитализма, ориентированного на акционеров, и вместо него поставить во главу угла экономики права человека».

– *Габриэла Бухер, исполнительный директор Oxfam International*

«Новая книга профессора Шваба предлагает глубокий анализ мировой экономической истории и идей, которые привели нас к величайшим проблемам настоящего времени, самая насущная из которых – изменение климата. Еще важнее то, что в ней представлен прообраз будущего, предлагающий нам построить более инклюзивный, более процветающий, здоровый и экологичный мир путем повсеместной реализации модели капитализма для всех заинтересованных сторон».

– *Н. Чандрасекаран, исполнительный председатель Tata Sons*

«В книге “Капитализм всеобщего блага” мой добрый друг профессор Шваб показывает вдохновляющий путь к тому, чтобы сделать мировую экономику более справедливой, устойчивой и ориентированной на будущее. Это видение полностью соответствует его многолетним усилиям по улучшению мира. Своей увлекательной книгой Шваб вновь дает нам пищу для размышлений».

– *Марк Рютте, премьер-министр Нидерландов*



# **stakeholder capitalism**

a global economy that  
works for progress, people  
and planet



# **klaus schwab**

with Peter Vanham



# Капитализм всеобщего блага

новая модель  
мировой экономики



## Клаус Шваб

совместно  
с Питером Ванхэмом

 **БОМБОРА**  
издательство

Москва 2022

УДК 330  
ББК 65.9  
Ш33

Copyright © 2021 by World Economic Forum. All rights reserved.  
Published by John Wiley & Sons, Inc., Hoboken, New Jersey.

**Шваб, Клаус.**  
Ш33 Капитализм всеобщего блага : новая модель мировой экономики /  
Клаус Шваб, Питер Ванхэм ; [перевод с английского Е. Калугина]. –  
Москва : Эксмо, 2022. – 352 с.

ISBN 978-5-04-154562-8

Переосмысление нашей глобальной экономики, чтобы она стала более устойчивой и процветающей. Шваб ищет реальные причины недостатков нашей системы и находит решения на основе лучших практик со всего мира в таких разных странах, как Китай, Дания, Эфиопия, Германия, Индонезия, Новая Зеландия и Сингапур.

Клаус Шваб – основатель и бессменный президент Всемирного экономического форума в Давосе.

**УДК 330  
ББК 65.9**

ISBN 978-5-04-154562-8

© 2021 by World Economic Forum  
© Калугин Е., перевод на русский язык, 2022  
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Моим родителям, Ойгену Вильгельму Швабу (†) и Эрике Эпфехт (†),  
которые научили меня на собственном опыте ценности образования,  
сотрудничества и принципу заинтересованности.*



## О Г Л А В Л Е Н И Е



ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	9
ПРЕДИСЛОВИЕ	12

### Часть I

#### МИР, В КОТОРОМ Я ВЫРОС

<i>Глава 1</i> 75 лет глобального роста и развития	19
<i>Глава 2</i> «Проклятие Кузнеца». Проблемы мировой экономики сегодня	40
<i>Глава 3</i> Экономический подъем в Азии	79
<i>Глава 4</i> Разделенное общество	103

### Часть II

#### СТИМУЛЫ РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМЫ

<i>Глава 5</i> Глобализация	125
<i>Глава 6</i> Технологии	155
<i>Глава 7</i> Люди и планета	192

**Часть III**  
**КАПИТАЛИЗМ ДЛЯ ВСЕХ**  
**ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ СТОРОН**

<i>Глава 8</i>	
Концепция	223
<i>Глава 9</i>	
Компании	258
<i>Глава 10</i>	
Сообщества	287
<i>Заключение</i>	
Путь к капитализму для всех заинтересованных сторон	321
<b>Благодарности</b>	328
<b>Об авторах</b>	334
<b>Алфавитный указатель</b>	336

## ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

---

**К**АЖДЫЙ РАЗ, КОГДА УДАЕТСЯ ПОБЕСЕДОВАТЬ С ПОИСТИНЕ интеллектуальным, образованным и одаренным человеком, невольно восхищаешься тем, как просто и понятно, без всякой напыщенности и самодовольства ему удается объяснять какие угодно сложные и недоступные в будничном понимании вещи — будь то технологические разработки, политические явления, экономические теории или же исторические процессы. Такие люди умеют живым и понятным языком объяснить настолько серьезные и, казалось бы, недоступные вещи, что ты и сам удивляешься, почему раньше этого не понимал.

Эта книга написана экономистом, блестящим лидером и впечатляющим организатором, основателем и президентом Всемирного экономического форума — самой заметной на экономической и политической картах мира организации, проводящей ежегодные встречи в Давосе. Я говорю о Клаусе Мартине Швабе.

На протяжении более чем 15 лет у меня была уникальная возможность участия в организации форума по вопросам, связанным с глобальной конкурентоспособностью, а также по ряду тем, касающихся будущего промышленности и общества с политической и экономической точек зрения. Мы обсуждали перспективы развития экономики, внедрение технологий так называемой Четвертой промышленной революции, а также то, как в результате поменяется наша жизнь. Мы говорили о рисках безработицы, усиления социального неравенства, росте потребления, экологических угрозах и геополитике.

Сейчас я рад представить вам книгу этого незаурядного человека, Клауса Шваба: уникального лидера, примера социального предпринимателя с большой буквы. Это книга о состоянии экономики на сегодняшний день с подробными ответами на вопросы: как мы пришли к этой точке, какого будущего нам стоит ждать, каковы риски для общего благосостояния и мировой экономики.

В первой части книги Клаус говорит об истории мировой экономики, начиная с 1945 года. При этом он избегает нудной исторической

справки, которую вы бы наверняка пролистали, не читая. Это живое повествование, в какой-то степени даже дневник жизни. Шваб очень точно передает пережитую им послевоенную ситуацию в немецком обществе и экономике, перемешивая в рассказе сведения о предприятиях своего родного города на юге Германии, Равенсбурга, со ссылками на взгляды крупнейших мировых экономистов – Милтона Фридмана, Саймона Кузнеца и др.

Постепенно Шваб подводит нас к пониманию, что, казалось бы, очевидные идеи капитализма об извлечении прибыли, теории свободных рынков, конечно, привели к экономическому росту, но этот рост был диспропорциональным. Экономика большинства стран, в которых эти идеи принимались за основные, безусловно, росла. Однако наибольшую выгоду от этого получали относительно небольшие группы граждан: они богатели и наращивали свое политическое влияние. Одновременно этот, как отмечает Шваб, диспропорциональный рост нанес непоправимый урон нашей планете. И что самое драматичное, этот урон мы продолжаем наносить с каждым годом.

Эти факторы приобретают все возрастающую роль по мере того, как мир переживает пандемию Covid-19. Распространение коронавируса привело к кризису здравоохранения в большинстве стран мира, экономика практически всех государств испытывает колоссальное давление – вынужденный локдаун стал причиной паралича и перестройки привычных укладов в разных отраслях экономики и, как следствие, краха огромного числа компаний, волны банкротств и сокращений штатов. Это, в свою очередь, ведет к кратному росту безработицы во многих странах мира.

Вызовы и тренды, обсуждаемые в книге, актуальны и для России: снижение темпов роста экономики, увеличение безработицы, усиление социального неравенства. Не остаются без внимания и проблемы экологии: технологические несовершенства крупных производств и устаревшее оборудование приводят к высокому углеродному следу, повышенному загрязнению окружающей среды. Также особое значение для нашей страны имеет достижение целей устойчивого развития на региональном и даже городском уровне.

Все это требует от новых бизнесменов и топ-менеджеров исходить не только из принципов максимизации прибыли, но и всеобщего блага для ключевых групп внутри и за пределами компаний. Экологическая повестка также выдвигается на передний план.

Таким образом, все большую актуальность приобретают корпора-

тивные принципы устойчивого развития, которые получили название ESG. К ним относятся ответственное отношение к окружающей среде (E – environment), социальному благополучию сотрудников (S – social) и высокое качество корпоративного управления (G – governance). Книга описывает изменение условий для современного бизнеса, помогает найти ответ на вопрос, зачем нам сегодня нужна новая стратегическая повестка.

Книга Клауса Шваба «Капитализм всеобщего блага» нацелена на новое поколение лидеров бизнеса, которым еще только предстоит решить три основные задачи на нынешнем витке развития крупнейших экономик мира: переосмыслить действующие стратегии и бизнес-модели, сформировать новую лидерскую повестку и самое главное – определить новую миссию компании, ее предназначение в новой реальности.

*Алексей Праздничных,*  
Евразийский институт конкурентоспособности,  
Strategy Partners  
Москва, январь 2022 г.

## ПРЕДИСЛОВИЕ

---

**В** НАЧАЛЕ ФЕВРАЛЯ 2020 ГОДА, КОГДА МЫ С КОЛЛЕГОЙ ОБСУЖДАЛИ В МОЕМ женеvском офисе эту книгу, зазвонил телефон. С того момента время разделилось на ДО и ПОСЛЕ: внимание переключилось со времени *до* COVID-19 на новую реальность, с которой мы столкнулись *после* пандемии.

До поступившего звонка мы с коллегами занимались долгосрочными проблемами мировой экономики, включая изменение климата и проблему неравенства. Я много размышлял о мировой экономической системе, построенной за 75 лет с момента окончания Второй мировой войны и за 50 лет после создания Всемирного экономического форума; исследовал различные элементы современного глобализированного мира, в том числе его выгоды, компромиссы и опасности. Я задумывался и о том, какие изменения потребуются системе в ближайшие 50–75 лет, чтобы сделать ее более справедливой, устойчивой и жизнеспособной для будущих поколений.

Всего один звонок перевернул прежнюю долгосрочную повестку дня. Внимание переключилось на кризис, с которым столкнулись в каждом уголке планеты.

На другом конце провода был глава нашего пекинского представительства в Китае. Как правило, звонки такого рода касались рутинных вопросов, давали возможность наверстать упущенное в существующих инициативах и программах. На сей раз звонок был иным. Директор звонил, чтобы сообщить об эпидемии, серьезно поразившей Китай ранее той зимой: COVID-19. Охвативший в самом начале лишь Ухань, новый коронавирус, вызывавший во многих случаях тяжелое респираторное заболевание, стремительно становился главной проблемой всей системы здравоохранения страны. Наш коллега рассказал, что большая часть населения Пекина выехала за пределы города на празднование Лунного Нового года и по возвращении привезла с собой новый коронавирус, вызвавший вспышку эпидемии и, как следствие, введение режима изоляции в столице.

Мой коллега сохранял хладнокровие, излагая объективные факты о том, что означала самоизоляция для наших сотрудников и деятельности офиса. Но по его голосу я мог догадаться, что он очень взволнован. Его семья и сотрудники оказались перед лицом опасности заражения и изоляции. Власти предпринимали решительные меры. Всех офисных работников перевели на дистанционный режим на неопределенный срок, им было разрешено покидать свои квартиры только при соблюдении очень строгих условий. Если у кого-то проявлялись симптомы заболевания, им незамедлительно проводили необходимые тесты и отправляли на карантин. Но даже с такими драконовскими мерами нельзя было быть уверенным, что угрозу здоровью удастся предотвратить. Эпидемия распространялась так быстро, что, даже сидя взаперти, люди боялись заразиться вирусом. Между тем из больниц стали поступать новости о том, что болезнь очень агрессивна, трудно поддается лечению и система здравоохранения уже не справляется.

Мы в Швейцарии уже знали о существовании вируса SARS-CoV-2, вызывающего COVID-19, еще с момента ежегодного собрания в конце января 2020 года.

Это было одной из тем при обсуждении вопросов здравоохранения среди участников крупных проектов в Азии. Однако до телефонного разговора я надеялся, что вспышка будет непродолжительной и не получит широкого географического распространения, подобно тому как ранее удалось сдержать распространение коронавирусов SARS и MERS. Мне хотелось верить, что она никоим образом не коснется лично моих коллег, друзей и семьи.

Во время того телефонного разговора мое понимание угрозы здоровью населению мира изменилось. В последующие дни и недели я остановил работу над этой книгой, и Всемирный экономический форум перешел в кризисный режим функционирования. Мы создали специальную рабочую группу, попросили всех сотрудников работать из дома и сосредоточили все свои усилия на оказании международной помощи в возникших условиях ЧС. И это не было преждевременным. Неделю спустя вирус привел к изоляции большей части Европы, а через несколько недель значительная часть мира, включая Соединенные Штаты, столкнулась с аналогичной ситуацией. В последующие месяцы умерли или были госпитализированы несколько миллионов человек, сотни миллионов людей потеряли работу или доходы, а бесчисленные компании и правительства, по сути или уже реально, стали банкротами.

На момент написания этого предисловия, осенью 2020 года, необходимость в глобальном режиме ЧС, вызванном первой волной COVID-19, практически отпала, но новая волна инфекций вновь вводит мир в состояние повышенной готовности. Государства стали осторожно возобновлять социальную и экономическую жизнь, но восстановление экономики идет очень неравномерно. Китай стал одной из первых крупных стран, прекративших изоляцию и возобновивших деловую жизнь. Ожидается, что по итогам 2020 года он покажет рост экономики. В других наших постоянных отделениях — в Женеве, Нью-Йорке, Сан-Франциско и Токио, напротив, общественная жизнь хотя и возобновилась, но лишь частично и с большими предосторожностями. Пандемия унесла огромное количество жизней и еще больше людей оставила без средств к существованию; миллиарды были потрачены на то, чтобы удержать бизнес и правительства на плаву; усугубились имевшиеся и возникли новые социальные различия.

Сейчас, когда с момента начала кризиса прошло уже некоторое время, многие из нас и я в том числе осознали, что пандемия и ее последствия неразрывно связаны с проблемами в существующей мировой экономической системе, о которых мы уже знали. Это понимание заставило меня вернуться к обсуждению, начатому в феврале 2020 года, в день того рокового телефонного звонка из Пекина. Многие из наших прогнозных анализов оказались более чем верными. Вы сможете познакомиться с ними в этой книге. В ней я поделюсь своими наблюдениями по растущему неравенству, замедлению экономического роста, спаду производительности, чрезмерному уровню долга, ускоряющемуся изменению климата, обострению социальных проблем и отсутствию на глобальном уровне взаимодействия по наиболее насущным мировым проблемам. И, как я надеюсь, вы согласитесь, что данные наблюдения не менее актуальны после пандемии COVID-19, чем раньше.

Однако между «до» и «после» появилось одно отличие: я заметил, что среди населения, руководителей компаний и правительств сложилось понимание того, что улучшить мир можно только совместно. Идея о том, что после COVID нам придется перестраиваться на другой лад, получила широкое распространение. Внезапное и всеобъемлющее воздействие COVID-19 заставило нас понять, что гораздо больше, чем постепенные последствия изменения климата или растущего неравенства, неустойчива экономическая система, движимая корыстными и краткосрочными интересами. Она не сбалансирована, уязвима

и увеличивает вероятность катастроф в здравоохранении, а также в социальной и экологической сферах. Как показал COVID-19, в чрезвычайных ситуациях возникает чудовищная нагрузка на общественные системы.

В этой книге я докажу, что мы не можем продолжать поддерживать экономическую систему, движимую эгоистичными ценностями, такими как максимизация краткосрочной прибыли, уклонение от налогов и регулирование или экстернализация экологического ущерба. Взамен нам необходимы социум, экономика и международное сообщество, настроенные на заботу обо всех людях на планете. В частности, от преобладающей на Западе в последние полвека системы «акционерного капитализма» и прижившейся в Азии системы главенства государства — «государственного капитализма» мы должны прийти к системе «капитализма всех заинтересованных сторон». В этом и состоит основная идея книги. В ней я покажу, как можно построить такую систему и почему это необходимо делать сейчас.

Первая часть (главы 1–4) представляет собой обзор мировой экономической истории с 1945 года на Западе и в Азии. В ней исследуются основные достижения и недостатки экономической системы, в которой мы живем, включая ускорившийся экономический рост, а также неравенство, ухудшение состояния окружающей среды и долги перед будущими поколениями. Там же рассматривается, как социальные тенденции, такие как усиление политической поляризации, связаны с состоянием экономики и систем управления. Часть II (главы 5–7) исследует возможные причины и последствия проблем экономики и процесса развития. В ней рассматривается роль технического прогресса, глобализации и торговли, а также использования природных ресурсов. И наконец, в части III (главы 8–11) рассматриваются возможные изменения в мировой экономической системе. В ней дано определение *капитализма всех заинтересованных сторон* и показано, что он может означать на практике для бизнеса, правительств, международных организаций и гражданского общества.

На протяжении всей книги я старался быть беспристрастным, рассматривая стоящие перед нами глобальные проблемы, их возможные причины и последствия, а также решения, которые я вижу для улучшения мира в будущем. Должен сразу добавить, однако, что представленные здесь взгляды являются моими собственными и неизбежно несут в себе отпечаток моего личного жизненного опыта. В главе 1 я рассказываю о некоторых событиях моего детства, сту-

денческих лет и начала карьеры, которые оказали на меня большое влияние. Надеюсь, что это поможет вам как читателю понять мое мировоззрение, основанное на убеждении, что самые великие достижения в обществе и экономике — это плоды совместных усилий, будь то государственного и частного сектора или разных народов и стран.

Я хочу, чтобы эта книга вдохновила вас, чем бы вы ни занимались, на помощь в построении такой системы. Вместе мы можем создать экономическую систему, основанную на инклюзивности, устойчивости и равенстве, и преодолеть последствия COVID-19. Несмотря на многочисленные жертвы, разрушенные жизни и миллионы потерявших привычные источники дохода, возможно, происходящее поможет нам нацелиться на более жизнеспособную модель мира. Я надеюсь, что постковидный мир станет для нашего поколения тем же, чем стала для поколения моих родителей эпоха, начавшаяся по окончании Второй мировой войны: моментом единения, в котором недалекое прошлое служило ярким напоминанием о той мировой системе, к которой никто не хотел бы вернуться вновь, а настоящее и будущее представляли собой возможность создать мир, где каждый всего добьется сам.

В послевоенные годы, следуя этой цели, мы построили систему общественного договора, в том числе социально-ориентированную рыночную экономику в Европе и «великое общество» в США. Мы также создали многополярную систему, направленную на сохранение мира, развитие сотрудничества и создание единой финансовой системы, в том числе такие институты, как Всемирный банк, Международный валютный фонд и ООН.

Теперь я надеюсь, что мы воспользуемся периодом восстановления после COVID-19, чтобы реализовать концепцию капитализма для всех заинтересованных сторон и создать более устойчивую мировую экономическую систему.

Спасибо за внимание,  
Клаус Шваб.  
Женева, декабрь 2020 г.

Часть I



МИР, В КОТОРОМ  
Я ВЫРОС



## ГЛАВА 1



# 75 ЛЕТ ГЛОБАЛЬНОГО РОСТА И РАЗВИТИЯ

**75** ЛЕТ, ПРОШЕДШИЕ С МОМЕНТА ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ войны, характеризуют активный рост мировой экономики. Но, несмотря на это, в мире существуют две абсолютно разные реальности.

С одной стороны, общество редко достигало такого уровня благосостояния, как сегодня. Мы живем во времена относительного покоя и абсолютного богатства. По сравнению с предыдущими поколениями многие из нас живут долго и, в основном, здоровой жизнью. Наши дети ходят в школу, получают образование в колледжах и университетах, а компьютеры, смартфоны и другие технические устройства связывают нас с остальным миром. Еще поколение или два назад наши родители, бабушки и дедушки могли только мечтать о подобном образе жизни и об уровне роскоши, которую приносят изобилие энергоресурсов, достижения в области технологий и возможности глобальной торговли.

С другой стороны, наш мир и гражданское общество страдают от неравенства и опасной неустойчивости. Кризис в области здравоохранения, вызванный пандемией COVID-19, стал лишь одним из примеров неравных возможностей у разных людей. Те, кто имел деньги, связи, квартиру или дом в престижном месте, пострадали от COVID-19 гораздо меньше; у них было больше возможностей работать удаленно, покинуть густонаселенные районы и, если они все же заразились, получить более качественную медицинскую помощь. Подобная тенденция поразила многие сообщества. Бедные постоянно страдают от глобальных кризисов, в то время как богатым удается «легко пережить непогоду».

Чтобы понять, как мы оказались в подобной ситуации и как из нее выйти, необходимо вернуться в прошлое, к истокам нашей мировой экономической системы, воспроизвести картину послевоенного экономического развития и рассмотреть основные его этапы. Логической отправной точкой для современной мировой экономики является «нулевой год» — 1945 г. И наверняка, для этой истории нет лучше места, чем Германия, для которой тот год стал поистине новой главой.

## **ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОСЛЕВОЕННОГО МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОРЯДКА**

Я и многие мои ровесники, которые пошли в начальную школу в Германии в 1945 году, были слишком малы, чтобы понять, почему наша страна ведет войну или почему в последующие годы все так сильно изменилось. И все же мы слишком хорошо понимали, что в будущем нам следует любой ценой избегать каких-либо конфликтов.

Так же, как и в годы, следовавшие за Первой мировой войной, главным объединяющим лозунгом для всей Германии стал лозунг *Nie Wieder Krieg* (Пусть никогда больше не будет войны). Людям надоело конфликтовать. Они хотели жить по-новому в мире и согласии и вместе работать над улучшением качества жизни.

Это было нелегко реализовать как в Германии, так и в любом другом месте. После окончания Второй мировой войны страна лежала в руинах. В главных городах Германии уцелело меньше 20% исторических зданий. Миллионы домов были уничтожены. Не стала исключением и Швабия, регион на юге Германии, где я вырос. В ее промышленном центре — Фридрихсхафене — с лица земли были стерты почти все фабрики и заводы, включая предприятия *Maybach* и *Zepplin*, двух легендарных производителей автомобилей и самолетов, производственные мощности которых во время Второй мировой использовались нацистским правительством в военных целях.

Одно из моих самых ранних воспоминаний связано с тем, как мы, сидя на крыше дома моих родителей, всего в 18 километрах от Фридрихсхафена, наблюдали за пожарами после обстрелов, превративших город в руины. Мы молились, чтобы налеты обошли наш родной город стороной, и, к счастью, так оно и случилось, в то

время как последние бомбардировки Фридрихсхафена унесли жизни 700 человек. Я помню, как плакали мои родители, когда услышали эту новость, так как у них было много знакомых в городе. К концу войны из 28 000 коренных жителей Фридрихсхафена осталась лишь четверть (1). Остальные покинули родные места, пропали без вести или умерли.

Равенсбург, где я жил, один из немногих городов, избежавших бомбардировок союзников, что, вероятно, было связано с отсутствием военного производства. Однако последствия войны не обошли стороной и нас. Ближе к ее окончанию, когда французская союзная армия вошла в город, Равенсбург стал прибежищем для сотен внутренних беженцев, людей, направленных на принудительные работы, военнопленных и раненых солдат (2). В городе царил полный хаос. Единственным положительным моментом было то, что в полночь 8 мая 1945 года война наконец-то закончилась. В Германии этот момент назвали *Stunde Null*, или «нулевой час». Позже историки, например Ян Бурума, стали называть первый послевоенный год «нулевым годом» (3). Экономика Германии была полностью разрушена, и оставалось только надеяться на то, что все удастся начать с чистого листа.

Другие страны фашистского блока (страны «оси»), Италия и Япония, столкнулись с теми же проблемами. Производственный потенциал стран «оси» был уничтожен. Турин, Милан, Генуя и другие итальянские города подверглись масштабным бомбардировкам, а Хиросима и Нагасаки пережили беспрецедентные разрушения после взрыва атомных бомб. Остальные европейские страны также пострадали от «военного невроза» и пережили начальный период хаоса. На востоке Китай и большая часть Юго-Восточной Азии погрязли во внутренних конфликтах. Экономики Африки, Ближнего Востока и Южной Азии все еще находились под гнетом колониального правления. Советский Союз понес огромные потери во время Второй мировой войны. Только экономика стран Северной и Южной Америки, в первую очередь Соединенных Штатов, смогла пережить войну и выйти из нее без серьезных последствий.

Таким образом, лидерами послевоенного времени стали Вашингтон и Москва — каждый в своей зоне влияния. В Швабии, оккупированной союзниками Германии, будущее во многом зависело от того, какой выбор сделают Соединенные Штаты.

Америка столкнулась с непростой задачей — найти правильный баланс. Она была полна решимости не повторять ошибок Версальского

договора, положившего конец Первой мировой войне. Подписанный в 1919 году Версальский договор обязал завоеванные Центральные державы (Германию, Австро-Венгрию, Османскую империю и Болгарию) выплатить огромную контрибуцию. Это замедлило темпы их экономического развития и привело к хаотичному восстановлению экономики, что и создало предпосылки для развязывания Второй мировой войны.

После новой войны Вашингтон выбрал другой подход. Американцы хотели возродить экономику стран Европы, оказавшихся в их зоне влияния, включая регионы Германии, оккупированные Великобританией, Францией и США. Соединенные Штаты стремились содействовать развитию торговли, процессам интеграции и политическому сотрудничеству. Еще в 1944 году Америка и ее союзники создали экономические институты, такие как Международный валютный фонд и Международный банк реконструкции и развития (являющийся на сегодняшний день частью Всемирного банка) (4). В последующие десятилетия они продолжали предпринимать активные действия по созданию стабильной и растущей экономической системы в Западной Германии и во всей Западной Европе.

Начиная с 1948 года Соединенные Штаты и Канада также начали оказывать региональную поддержку. План Маршалла, названный в честь тогдашнего госсекретаря США Джорджа Маршалла, был разработан и реализован Соединенными Штатами с целью помочь западноевропейским странам в приобретении американских товаров и восстановлении промышленности. Это касалось Германии и Италии. Предоставление помощи бывшим странам «оси» было спорным решением, но его сочли необходимым, поскольку без немецкой промышленности, являющейся движущей силой экономики региона, не могло быть и речи о сильной промышленно развитой Европе. (Организация Европейского экономического сотрудничества и развития (ОЕЭСР), предшественница ОЭСР, играла ведущую роль в реализации данной программы).

Этим Америка не ограничилась. Она также стремилась стимулировать торговлю, создавая европейские рынки угля, стали и других сырьевых товаров, что привело к созданию Европейского сообщества угля и стали, прародителя Европейского союза. Соединенные Штаты также предоставляли помощь и кредиты странам Азии, включая Японию, Китай, Южную Корею и Филиппины. Советский Союз расширил зону своего влияния за счет других стран, продвигая экономическую

модель, основанную на централизованном планировании и государственной собственности на средства производства.

Местные органы власти, промышленные предприятия и рабочие также сыграли важную роль в восстановлении немецкой экономики. Например, в 1947 году Zeppelin Foundation перевел почти все свои активы в Фридрихсхафен (5) в стремлении дать импульс созданию процветающего будущего для компаний Zeppelin и их сотрудников. В то же самое время жители Фридрихсхафена трудились с раннего утра до позднего вечера, восстанавливая свои дома. Особую роль в восстановлении экономики, особенно на первоначальном этапе, сыграли женщины. Немецкий журнал *Der Spiegel* позже написал: «Так как на войне погибло очень много мужчин, союзники рассчитывали, что всю тяжелую работу по расчистке сделают женщины» (6).

Как и в пазле, где каждая деталь должна встать на правильное место для получения полной картины, работа по переустройству требовала задействования всех ресурсов и мобилизации всех человеческих усилий. К решению этой задачи германское общество отнеслось со всей серьезностью. Одной из крупнейших и наиболее успешных компаний-производителей в Равенсбурге было семейное предприятие, со временем сменившее свое название на Ravensburger (7). Компания возобновила производство головоломок и детских книг, создав бизнес, который действует и по сей день. А во Фридрихсхафене ZF, дочерняя компания Zeppelin Foundation, восстановила производство автомобильных запчастей. Подобные фирмы, часто представляющие собой знаменитый немецкий *Mittelstand*, то есть предприятия малого и среднего бизнеса, составляющие основу экономики Германии, сыграли решающую роль в послевоенных экономических преобразованиях.

## ЗАПАД И СЛАВНОЕ ТРИДЦАТИЛЕТИЕ

Для многих жителей Европы, включая меня, чувство облегчения, возникшее вследствие окончания войны, вскоре уступило место страху перед новой войной. Экономическая система свободного рынка в Западной Германии и в других странах Западной Европы, восстанавливаемых при доминировании США, вошла в конфликт с моделью плановой экономики, распространяемой Советским Союзом, в зоне влияния которого оказались Восточная Германия и другие страны Восточной Европы. Какая модель одержит победу?! Возможно ли

мирное сосуществование, или все закончится новым вооруженным конфликтом?! Только время могло дать ответ на эти вопросы.

Конечный результат битвы идеологий, экономических систем и геополитической гегемонии не был очевидным ни для нас, ни для кого-либо еще. В течение нескольких десятилетий обе сверхдержавы укрепляли свои позиции и конкурирующие системы. В Азии, Африке и Латинской Америке разыгралась та же идеологическая битва между капитализмом и коммунизмом.

Оглядываясь назад, мы понимаем, что экономические институты, созданные Соединенными Штатами на принципах капитализма и свободных рынков, стали фундаментом эпохи беспрецедентного всеобщего экономического процветания.

Вкупе с желанием многих людей отстроить все заново, они заложили основу экономического развития и господства Запада над «остальными странами» на протяжении нескольких десятилетий. Советская модель централизованного планирования также первоначально продемонстрировала свою эффективность, однако позже она просто рухнула.

Помимо смены экономического курса, были и другие факторы, сформировавшие нашу эпоху. Во многих регионах мира, включая Соединенные Штаты и Европу, наблюдался беби-бум. В мирное время рабочие отошли от нигилизма военного времени и вернулись к общественно-производительному труду. Расширилась образовательная и производственная деятельность. Принципы руководства, осуществляемые главами правительств, такими как Конрад Аденауэр в Германии или Есида Сигеру в Японии, также были важной частью пазла. Они взяли на себя обязательства и обязали свои правительства сделать все возможное и невозможное, чтобы восстановить экономический и общественный уклад и развивать прочные, направленные на достижение устойчивого мира отношения с союзниками, а не поддаваться желанию отомстить, царившему после Первой мировой войны. Государственный курс на восстановление общественной и экономической системы привел и к росту сплоченности в обществе (что более подробно будет рассмотрено в главе 4).

В период с 1945 г. по начало 1970-х годов все эти факторы привели к возникновению «немецкого экономического чуда», охватившего не только Германию, но и остальную Европу. Аналогичный бум начался и в Соединенных Штатах, Японии и Южной Корее (а также, в самом начале, и в Советском Союзе). Запад вступил в золотой век капитализма, а инновации второй промышленной революции нашли

широкое применение: массово строились дорожные магистрали для автомобильного и грузового транспорта, наступила эпоха коммерческих авиаперевозок, а морские пути по всему миру заполнили контейнеровозы.

В Швабии на фоне «экономического чуда» также активно внедрялись новые технологии. Например, в Ravensburger в 1950-х годах продажи выросли втрое, положив начало переходу на массовое промышленное производство, начавшееся в 1962 году. Семейные настольные игры, такие как Rheinreise (что буквально переводится как «Путешествие по Рейну»), стали очень популярными (8) к моменту достижения совершеннолетия детей беби-бума. В 1960-х годах компания Ravensburger шагнула еще дальше в своем экономическом развитии, когда (9) расширила линейку продуктов за счет пазлов (логотип бренда — синий треугольник в углу упаковочных коробок, стал культовым). Примерно в то же время, в 1950-х годах, компания ZF Friedrichshafen вновь запустила производство коробок переключения передач для транспортных средств, к середине 1960-х годов (10) существенно пополнив свой ассортимент автоматическими коробками переключения передач. Все это способствовало тому, что в период бума европейской автомобильной промышленности немецкие автопроизводители, такие как BMW, Audi, Mercedes и Porsche, стали его лидерами. (ZF и по сей день успешно занимается бизнесом. В 2019 году общая выручка компании превысила 40 млрд долл. США, а число ее сотрудников насчитывало почти 150 000 человек в более чем 40 странах мира.)

Глядя на экономические показатели ведущих экономик мира, казалось, что в выигрыше остаются все. Ежегодный экономический рост в среднем составлял 5, 6 и даже 7%. Валовой внутренний продукт (ВВП) — это денежная стоимость товаров и услуг, произведенных в стране. В течение последующего или даже двух десятилетий этот часто используемый для измерения экономической активности в стране показатель удвоился, утроился, а в некоторых западных странах даже увеличился в четыре раза. Все больше детей стали получать среднее

””

В течение первых послевоенных десятилетий многие страны использовали результаты своей «экономической удачи», чтобы заложить основу социальной рыночной экономики.

образование и вливаться в ряды среднего класса, при этом многие беби-бумеры стали первыми в своих семьях, кто поступил в колледж и поднялся по социально-экономической лестнице.

Особое значение такой подъем по социальной лестнице имел для женщин. Сначала эмансипация на Западе развивалась медленно, но со временем набрала обороты. Все больше женщин поступали в колледжи, окончив которые, устраивались на работу. Они также принимали более осознанные решения в вопросах баланса между работой и личной жизнью. В быстро развивающейся экономике женщинам было несложно найти свое место. Достижения в области медицинской контрацепции, возросшая доступность бытовой техники и, конечно же, движение за эмансипацию обеспечивали им поддержку. В США, например, в период с 1950 г. по 1970 г. доля женщин в штате компаний выросла на 15% — примерно с 28% до 43% (11). В Германии доля студенток в университетах возросла с 12% в 1948 г. до 32% в 1972 г. (12).

В компании Ravensburger женщины тоже начали играть значительную роль. В 1952 г. Дороти Хесс-Майер, внучка основателя компании, стала первой женщиной, занявшей в ней руководящую должность вместе со своим двоюродным братом Отто Джулиусом. Это послужило хорошим примером для развития тенденции. Процесс уравнивания женщин в правах на Западе продолжался до конца XX века с переходом в нынешний. К 2021 году во многих странах мира, включая США и Саудовскую Аравию, в университетах стало обучаться больше женщин, чем мужчин (13)!. Кроме того, во многих странах женщины составляют почти половину работающих. Несмотря на это, сохраняется неравенство в оплате труда и ряде других факторов (14).

В течение первых послевоенных десятилетий многие страны использовали результаты своей «экономической удачи», чтобы заложить основу социальной рыночной экономики. В Западной Европе, например, государство выплачивало пенсии и пособия по безработице, выделяло средства на поддержку детей и образование, обеспечивало бесплатное медицинское обслуживание. В Соединенных Штатах политика, учитывающая интересы общества, была менее популярной, чем в Европе, но благодаря быстрому экономическому росту больше людей, чем когда-либо прежде, смогли подняться до уровня среднего класса. Программы социального обеспечения выросли как по количеству возможных участников, так и по объему выделенных им средств, особенно в период с 1950 г. по 1970 г. (15). Средний уровень заработной платы резко вырос, а уровень бедности снизился.

Франция, Германия, страны Бенилюкса и скандинавские страны также поддерживали идею заключения коллективных договоров. Например, в большинстве немецких компаний Закон о рабочих советах 1952 года гласил, что треть членов наблюдательного совета должна избираться рабочими. Для семейного бизнеса сделали исключение, поскольку связи между работниками и руководством там, как правило, были сильными, а социальные конфликты случались реже.

По мере взросления в тот золотой век я все больше ценил просветительскую роль, которую Соединенные Штаты играли в жизни моей страны и остальной части Европы. Я убедился, что экономическое сотрудничество и политическая интеграция являются ключом к построению мирного процветающего общества.

Я учился и в Германии, и в Швейцарии и пришел к убеждению, что границы между европейскими странами однажды исчезнут. В 1960-х годах мне выпала возможность год поучиться в Соединенных Штатах и подробнее ознакомиться с их экономической и управленческой моделями. Это был очень важный для меня опыт.

Как и многие представители моего поколения, я также был бенефициаром среднего класса — общества солидарности, сформированного европейскими странами. В самом начале я был весьма заинтригован дополнительными функциями бизнеса и правительства, направленными на формирование будущей страны. Совершенно естественно для себя я выбрал сбалансированность между частными и государственными инвестициями темой одной из моих диссертаций. Проработав более года в цехах разных компаний и пропустив через себя реальный опыт работы на производстве, я проникся особым уважением к вкладу рабочих в развитие экономического благосостояния. Я был убежден, что бизнес, как и другие заинтересованные участники, должен играть определенную роль в создании и поддержании всеобщего процветания. И пришел к выводу, что это возможно при условии, что компании перейдут на модель капитализма для всех заинтересованных сторон, при которой они будут работать не только в интересах своих акционеров, но и общества в целом.

Для воплощения этой идеи в жизнь я решил организовать форум для руководителей, на котором могли бы встретиться крупные предприниматели, представители правительственных и академических кругов. Как мне показалось, Давос, швейцарский городок в горах, в викторианские времена прославившийся своим санаторно-курортным лечением туберкулеза (до того как были изобретены антибиотики,

такие как изониазид и рифампицин (16)), мог бы стать подходящим местом для организации своего рода «глобальной деревни» (17). В живописном городе, расположенном высоко в горах и известным своим чистым воздухом, участники мероприятия могли обмениваться передовым опытом и новыми идеями, а также обсуждать насущные глобальные, социальные, экономические и экологические проблемы. И вот, в 1971 году я организовал там первую встречу Европейского форума по проблемам управления (предшественника Всемирного экономического форума), гостями которого стали декан Гарвардской школы бизнеса Джордж Пирс Бейкер, профессор Колумбийского университета Барбара Уорд, президент ИВМ Жак Мезонруж и ряд членов Европейской комиссии (18).

## НАПРЯЖЕННЫЕ 1970-Е И 1980-Е ГОДЫ

Уже в начале 1970-х годов стало ясно, что экономическому чуду не суждено продлиться долго. На момент нашей встречи в Давосе система дала трещину. Послевоенный бум достиг своего пика, уступив место социальным, экономическим и экологическим проблемам. Я очень надеялся, что при более активном изучении успешной американской практики управления европейские бизнесмены, политики и ученые смогли бы и дальше стимулировать экономический рост на континенте.

Многие европейские компании действительно сделали шаг в сторону соседних международных рынков. Европейское сообщество угля и стали (ЕСУС), которое, как следует из названия, на тот момент сосредоточило свое внимание на создании общего рынка определенных ключевых ресурсов, с течением времени выросло в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС). Это позволило облегчить торговлю товарами и услугами по всему континенту. Многие компании из разряда *Mittelstand* использовали возможность для создания дочерних фирм и запуска продаж в соседних странах ЕЭС. Отчасти благодаря развитию внутрирегиональной торговли в 1970-х годах экономика продолжала расти.

Но ряд экономических параметров, активно влияющих на экономический рост, занятость и инфляцию, — например, цены на энергоносители, — трудно было назвать благоприятными.

Первый удар по системе нанесла нефть, наряду с углем поддерживавшая послевоенный бум. Цена на самый важный в мире энергоноситель в 1973 году выросла в четыре раза, а затем еще удвоилась в 1979 году, поскольку крупнейшие страны-производители и экспортеры нефти (ОПЕК) – многие из которых в прошлом являлись ближневосточными и арабскими колониями европейских держав – начали демонстрировать свою силу. Контролируя в то время львиную долю мировых поставок нефти, страны ОПЕК решили объявить нефтяное эмбарго в ответ на действия Израиля (Война Судного дня). Во время этой арабо-израильской войны многие арабские члены ОПЕК выступали против Израиля, который в течение и после вооруженного конфликта расширил свою территорию в регионе. Эмбарго, направленное главным образом против западных союзников Израиля, включая США и Великобританию, оказалось очень эффективным.

Возможно, нет ничего удивительного в том, что страны ОПЕК использовали свою недавно обретенную рыночную власть. За последние два десятилетия многие из членов организации – зачастую бывшие европейские колонии в Азии, на Ближнем Востоке и в Африке – наконец обрели независимость. Однако, в отличие от большинства западных стран в ту эпоху, развивающиеся страны часто переживали политические и социальные потрясения. Экономический бум, который переживали Европа и Соединенные Штаты, никоим образом не отражался на большинстве новых независимых стран Азии, Ближнего Востока и Африки. Страны ОПЕК были одним из немногих исключений, поскольку обладали важным для мировой экономики ресурсом – нефтью.

На фоне того, 30-летнего, непрерывного экономического и промышленного роста на Западе некоторые начали выражать опасения, что подобные стремительные темпы развития могут поставить под угрозу экологическую безопасность, и потребуются новая экономическая система, более экологически устойчивая для планеты, ее ограниченных природных ресурсов и в конечном счете для самих людей. Среди высказывавших опасения были европейские ученые и промышленники из Римского клуба, которые пришли к выводу, что состояние мира и, в особенности, деградация окружающей среды на планете являются серьезной проблемой для общества. Действительно, все, кто был в теме, начали замечать эти тревожные сигналы, и на заседаниях форума в Давосе мы уделяли данной проблеме достаточно много внимания. В докладе, представленном в 1973 году в Давосе, президент клуба

Аурелио Печчеи поделился результатами исследований проблемы надвигающегося конца экономического роста.

Тем не менее, пережив несколько рецессий и внедрив ряд мер по энергосбережению, такие как переход на летнее время и «воскресенье без автомобиля», в 1980-х годах мировая экономика вновь начала расти. Эпоха, когда рост ВВП составлял 5–6% осталась в прошлом (по крайней мере на Западе), но рост на 3–4% не считался чем-то из ряда вон выходящим. Другие страны, в том числе «азиатские тигры» (Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур), помогли компенсировать дефицит.

Но начиная с 1980-х годов стали кардинально меняться и взгляды на то, что способствовало послевоенному экономическому росту. В первые мирные годы считалось, что каждый должен внести свой вклад в экономический рост, и поэтому он воспринимался как общее дело. Такова была индустриальная модель прогресса, построенная на партнерстве между владельцами компаний и их работниками. Однако фаза роста в 1980-х годах базировалась в большей степени на рыночном фундаментализме и индивидуализме и в меньшей степени на государственном вмешательстве или заключении общественного договора.

Думаю, что это было ошибкой. Модель капитализма для всех заинтересованных сторон требует, чтобы компании вышли за рамки личных амбиций и учитывали при принятии решений интересы сотрудников и сообществ. В первые годы наших встреч в Давосе участники даже обязались соблюдать это правило, подписав Давосский манифест (19).

---

## ДАВОССКИЙ МАНИФЕСТ 1973 ГОДА

---

**А.** Целью профессионального менеджмента должно быть служение клиентам, акционерам, рабочим и служащим, а также обществу, гармонизация различных интересов всех заинтересованных сторон.

**В.1.** Менеджмент должен служить интересам клиентов и стремиться к максимальному удовлетворению их потребностей. Конкуренция между компаниями предоставляет клиентам возможность оптимального выбора. Целью менеджмента является реализация новых идей и достижений технического прогресса в виде коммерческих товаров и услуг.

**В.2.** Менеджмент должен служить интересам инвесторов, обеспечивая более высокий процент на вложенный капитал, чем у государственных

облигаций. Такой уровень доходности необходим для включения рисков в инвестиционные издержки. Менеджеры — это доверенные лица акционеров.

**В.3.** Менеджмент должен служить интересам сотрудников, поскольку в свободном обществе лидерам следует учитывать интересы тех, кого они за собой ведут. В частности, менеджмент должен гарантировать постоянную занятость работников, повышение их реальных доходов и гуманизацию условий труда.

**В.4.** Менеджмент призван служить интересам общества, взяв на себя ответственность за сохранение нашей планеты для будущих поколений. Он должен оптимальным образом использовать находящиеся в его распоряжении нематериальные и материальные ресурсы, постоянно расширять границы знаний в области управления и технологии. Менеджмент обязан гарантировать, что предприятие выполняет все налоговые обязательства перед обществом, чтобы обеспечить условия для реализации поставленных целей. Кроме того, знания и опыт, накопленные менеджментом, должны служить на благо общества.

**С.** Менеджмент может достичь вышеуказанных целей, используя возможности экономического предприятия, за которое он несет прямую ответственность. Поэтому важно обеспечить жизнеспособность предприятия в долгосрочной перспективе. Для этого нужно гарантировать достаточный уровень доходности. Таким образом, доходность является необходимым условием для того, чтобы менеджмент служил интересам клиентов, акционеров, работников и общества.

Однако, несмотря на первоначальный энтузиазм в отношении Давосского манифеста и подхода, ориентированного на все заинтересованные стороны, тем не менее на практике преобладала более узкая парадигма, ориентированная на акционеров, особенно в Соединенных Штатах. Начиная с 1970 года, эту идею активно продвигал экономист Чикагского университета и лауреат Нобелевской премии Милтон Фридман. Он считал, что «единственная социальная ответственность бизнеса заключается в увеличении прибыли» (20) и нет ничего важнее, чем свободные рынки. (Мы обсудим это далее в главе 8.)

Результатом такого подхода стал диспропорциональный рост. В 1980-е годы экономика вновь начала расти, но лишь небольшая часть населения смогла извлечь из этого определенную выгоду, а для достижения роста планете был нанесен большой вред. Количество членов профсоюзов начало сокращаться, а коллективные договоры

становились все менее популярны (хотя бóльшая часть континентальной Европы, включая Германию, Францию и Италию, придерживалась такого курса до 2000-х годов, а некоторые, например Бельгия, следуют ему до сих пор). Экономическая политика двух ведущих экономик Запада – Великобритании и США – в значительной степени базировалась на дерегулировании, либерализации и приватизации, а также на вере в то, что невидимая рука приведет рынки к их оптимальному состоянию. Многие другие западные экономики позже также пошли по пути этих стран, в некоторых случаях после того, как «левые» правительства не смогли заставить экономику вновь активно расти. Из более позитивного следует отметить, что новые технологии тоже внесли свой вклад, приведя к третьей промышленной революции. Был изобретен персональный компьютер, который вскоре стал одной из важных составляющих каждой организации.

## ПЕРЕМЕМЫ

Перечисленные тенденции возникли не сами по себе. В 1980-х годах экономика Восточной Европы начала рушиться. Поражение на этом этапе промышленного перехода показало, что экономическая модель, предложенная Советским Союзом, оказалась менее устойчивой, чем рыночная, которую продвигал Запад. В 1979 году в Китае правительство нового лидера Дэн Сяопина начало проводить собственную политику реформ и открытости, постепенно внедряя элементы капиталистической и рыночной политики (см. главу 3).

В 1989 году Германия пережила эйфорию после падения Берлинской стены, отделявшей Восток от Запада. Вскоре после этого наконец-то произошло политическое воссоединение Германии. К 1991 году официально распался Советский Союз. Многие экономики, находившиеся в сфере его влияния, включая Восточную Германию, страны Прибалтики, Польшу, Венгрию и Румынию, устремились в сторону Запада и его капиталистической модели свободного рынка. Казалось, наступил «конец истории», как позже назовет этот период Фрэнсис Фукуяма (21). Европа получила еще один импульс, на сей раз ведущий к более глубокой политической и экономической интеграции и созданию общего рынка и валютного союза, продуктом которого явилась новая валюта – евро.

Мы в Давосе тоже ощутили на себе ветер перемен. Если первоначально Европейский форум по проблемам управления был в основном

местом встреч европейских и американских ученых, политиков и бизнесменов, то в течение 1980-х годов он приобрел глобальный размах. В 1980-е годы к нему присоединились представители Китая, Индии, стран Ближнего Востока и других регионов, и форум получил уже глобальную повестку. К 1987 году возникла необходимость в изменении названия, и с тех пор все знают нас как Всемирный экономический форум. Это было в духе наступившей эпохи глобализации.

## ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В 1990-Е И 2000-Е ГОДЫ

После распада Советского Союза на протяжении более десяти лет по всему миру росла взаимосвязанность национальных экономик. Многие государства начали заключать соглашения о свободной торговле, а список движущих сил роста глобальной экономики был шире, чем когда-либо прежде. Относительная важность Европы снизилась, и на первый план вышли так называемые развивающиеся рынки, такие как Южная Корея и Сингапур, однако были и более крупные, такие как Бразилия, Россия, Индия, Южная Африка и, конечно же, Китай. (Официального определения развивающихся рынков не существует, поскольку их классификация разработана отдельно взятыми частными финансовыми учреждениями. Тем не менее всех объединяет тот факт, что они не принадлежат к представителям Западной экономики, которые, как правило, демонстрировали или до сих пор демонстрируют темпы роста выше среднего на протяжении нескольких лет, что помогало им со временем добиться или подтвердить статус развитых экономик.)

Таким образом, доминирующей экономической силой стала глобализация, представляющая собой процесс растущей взаимозависимости различных экономик во всем мире, о чем свидетельствует увеличение потоков товаров, услуг, людей и капитала. Глобализация торговли, измеряемая показателями объема международной торговли в процентах от мирового ВВП, достигла в 2001 году исторического максимума — 15%, по сравнению с самым низким показателем 4% в «нулевом» 1945 году.

Известные компании Швабии также старались оседлать «волну глобализации».

«Китай занимал первое место в списке приоритетных направлений ZF, — отметил в изданной истории компании Зигфрид Гольц,

известный в то время менеджер ZF (22). – Развитие наших деловых отношений началось еще в 1980-х годах с заключения лицензионных контрактов. К моменту моего выхода на пенсию в 2006 году у нас было не менее 20 производственных площадок в Китае». Согласно собственным записям компании, «первое совместное предприятие было создано в 1993 году», а к 1998 году «компания ZF закрепилась в Китае настолько прочно, что стало возможным создание в Сучжоу первого в истории китайского дочернего предприятия, полностью принадлежащего компании, – ZF Drivetech Co. Ltd.».

Однако не все были готовы к столь быстрой глобализации. В 1997 году несколько азиатских развивающихся экономик пережили серьезный финансовый кризис, вызванный в значительной степени неконтролируемой финансовой глобализацией, или потоками «горячих денег» – средств международных инвесторов, которые легко перетекают из одной страны в другую в поисках прибыли, слабого контроля за капиталом и спекуляций облигациями. В то же время на Западе усилилось движение антиглобалистов, поскольку транснациональные компании получили значительный контроль над национальными экономиками.

Не смог избежать этой участи и Ravensburger. В 1997 году руководство компании объявило, что хотело бы «вынести на обсуждение «пакт об обеспечении сохранности производственных объектов» в качестве «превентивной меры для поддержания национальной и международной конкурентоспособности», – позднее написала Европейская система наблюдения за условиями труда в своем тематическом исследовании по данному вопросу (23). Результатом стал так называемый пакт Ravensburger, в соответствии с которым компания предлагала сотрудникам гарантию занятости в обмен на уступки с их стороны.

Несмотря на то что пакт был принят большинством работников, отношения между ними и работодателями ухудшились. Профсоюз отрасли заявил, что документ противоречит коллективным соглашениям и в нем нет необходимости, если у компании хорошие экономические показатели. В конце концов активно обсуждаемый пакт заставил его участников пересмотреть свои отношения друг к другу. Профсоюз, который, как правило, имел слабые позиции на семейных предприятиях, окреп, и руководство в дальнейшем приняло более конструктивную позицию в отношении своего Совета предприятия.

В Германии аналогичные социальные и корпоративные стрессовые ситуации, связанные с экономическим ростом, занятостью и интеграцией бывших восточногерманских государств, в конечном итоге

в начале 2000-х годов привели к заключению нового социального пакта с новыми законами об участии рабочих в управлении предприятием, «минимальной занятости» и выплате пособий по безработице. Но сложившееся равновесие оказалось для некоторых стран менее выгодным, чем существовавшая прежде система, и, хотя экономика Германии впоследствии вновь начала активно расти, для многих других развитых экономик ситуация вскоре стала менее стабильной.

Первым тревожным «звоночком» стал крах доткомов в конце 2000 г. — начале 2001 г., когда в США рухнули акции технологических компаний. Еще больший шок для американского общества и международной экономической системы случился позже, в 2001 году. В сентябре того же года США столкнулись с крупнейшей атакой на своей территории со времен нападения на Перл-Харбор во время Второй мировой войны: атаки террористов 11 сентября. Пострадали здания, представляющие как экономическое, так и оборонное «сердце» Америки: башни-близнецы на Манхэттене и Пентагон в Вашингтоне (округ Колумбия).

В тот день я находился в Нью-Йорке с рабочим визитом в ООН и, как и все, был просто опустошен. Погибли тысячи людей. Соединенные Штаты оказались в полном тупике. В знак солидарности в январе следующего года мы организовали ежегодное заседание Всемирного экономического форума в Нью-Йорке — это была первая встреча, состоявшаяся за пределами Давоса. После краха доткомов и событий 11 сентября западные экономики вступили в рецессию. На какое-то время экономический рост за счет развития торговли и технологий оказался под вопросом.

Однако фундамент для очередного экономического подъема уже был заложен. Как показывает описанный выше пример расширения присутствия ZF, Китай, крупнейшая страна в мире по численности населения, после 20 лет следования политике реформ и открытости стал одной из самых быстрорастущих экономик в мире. В 2001 году Китай вступил во Всемирную торговую организацию. То, что другие страны потеряли в ходе экономического развития, Китай приобрел и приумножил. Страна стала «мировой фабрикой», вывела сотни миллионов граждан из нищеты, и на пике своего развития на ее долю приходилось более трети мирового экономического роста. Попутно от этого выиграли как производители сырьевых товаров, начиная с Латинской Америки и заканчивая Ближним Востоком и Африкой, так и западные потребители.

Тем временем выжившие на руинах доткомов и новые технологические фирмы начали закладывать основы Четвертой промышленной революции. На передний план выступили такие технологии, как Интернет вещей, и машинное обучение — сегодня это называется «искусственный интеллект» — стало быстро набирать обороты. Другими словами, торговля и технологии вновь стали двумя двигателями роста мировой экономики. К 2007 году уровень глобализации и мировой ВВП достигли новых пиков. Но это был последний «парад» глобализации.

## КРАХ СИСТЕМЫ

Начиная с 2007 года ситуация в мировой экономике начала ухудшаться. Крупнейшие экономики мира демонстрировали снижение темпов роста. Америка пострадала первой: ипотечный кризис, повлекший за собой финансовый, привел к Великой рецессии, длившейся несколько кварталов. Следующей стала Европа с долговым кризисом, который начался в 2009 году и продолжался несколько лет. Большинство других мировых экономик оказались где-то между глобальной рецессией в 2009 году и реальным экономическим ростом, который следующие 10 лет колебался на уровне 2–3%. (Если говорить конкретнее, по данным Всемирного банка этот уровень колебался от самого низкого в 2,5% в 2011 г. и 2019 г. до максимума в 3,3% в 2017 г. (24).)

Сегодня медленный рост является новой нормой, поскольку не увеличивается производительность труда, что служит двигателем экономического подъема. Многие на Западе заняты на низкооплачиваемой работе без каких-либо гарантий и перспектив. Более того, в МВФ еще задолго до кризиса, вызванного пандемией COVID-19, отмечали, что мир достиг экономически неприемлемого уровня долга (25). К 2020 году государственный долг многих стран, прежде достигавший максимума во время кризисов 1970-х годов, вновь добрался до рекордных или близких к ним отметок. По данным МВФ за 2020 финансовый год, в результате разразившейся пандемии COVID-19 государственный долг в странах с развитой экономикой перевалил за отметку в 120% ВВП, увеличившись за год более чем на 15%, а в развивающихся экономиках — за отметку 60% ВВП (с чуть более 50% в 2019 г.) (26).

В итоге все больше и больше людей задаются вопросом о том, насколько полезно использовать такой «рост» в качестве показателя развития. Согласно заявлению Global Footprint Network (27), 1969 год

был последним, когда мировая экономика не «перерасходовала» природные ресурсы планеты за год. Пятьдесят лет спустя наш экологический след стал больше, чем когда-либо, поскольку мы используем в 1,75 раза больше природных ресурсов, чем планета способна восполнить.

Эти макроэкономические, социальные и экологические тенденции отражаются во все усиливающихся последствиях решений, принимаемых отдельными лицами, компаниями и правительствами, как на местном, так и на национальном уровне. В итоге общество, ушедшее от эпохи войн, нищеты и разрушений, теперь сталкивается с неприглядной новой реальностью: оно стало богаче, но платой за это стали неравенство и экологическая неустойчивость.



Швабия XXI века во многих отношениях богата, как прежде — с высокими зарплатами, низким уровнем безработицы и разнообразием занятий для досуга. Прекрасные городские центры Равенсбурга и Фридрихсхафена никоим образом не напоминают то жалкое состояние, в котором они находились в 1945 году. Равенсбург по-прежнему радушно принимает беженцев, но на этот раз не от войны. Даже местный производитель пазлов адаптировался к условиям мира глобальных цепочек поставок и цифровым играм, пришедшим на смену настольным головоломкам.

Но картинка, которую должны собрать жители этого региона, местные предприятия, производящие трансмиссии и пазлы, а также другие общественные заинтересованные стороны здесь и в других частях мира, непростая. Это глобальная проблема, состоящая из множества сложных и взаимосвязанных элементов. Чтобы ее решить, нужно найти все элементы. Именно этим мы и займемся в следующей главе с помощью одного известного экономиста.

## ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 70 Jahre Kriegsende, Schwabische Zeitung, Anton Fuchsloch, May 2015, (на немецком) <http://stories.schwaebische.de/kriegsende#10309>.
- 2 Wie der Krieg in Ravensburg aufhört, Schwabische Zeitung, Anton Fuchsloch, May 2015, (на немецком) <http://stories.schwaebische.de/kriegsende#11261>.
- 3 *Year Zero, A History of 1945*, Ian Buruma, Penguin Press, 2013, <https://www.penguin-randomhouse.com/books/307956/year-zero-by-ian-buruma/>.

- 4 Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD), Eurostat, <https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/pdfscache/1488.pdf>.
- 5 Friedrichshafen, History of the Zeppelin Foundation, <https://en.friedrichshafen.de/citizenship/zeppelin-foundation/history-of-the-zeppelin-foundation/>.
- 6 Der Spiegel, A Century-Long Project, October 2010, <https://www.spiegel.de/fotostrecke/photo-gallery-a-century-long-project-fotostrecke-56372-5.html>.
- 7 При основании компания получила название Otto Maier Verlag, а затем сменила его на Ravensburger.
- 8 Company interview with Heinrich Huentelmann and Tristan Schwensen, August 2019.
- 9 Ravensburger, About Ravensburger, <https://www.ravensburger-gruppe.de/en/about-ravensburger/company-history/index.html#1952-1979>.
- 10 Heritage, ZF, [https://www.zf.com/mobile/en/company/heritage\\_zf/heritage.html](https://www.zf.com/mobile/en/company/heritage_zf/heritage.html).
- 11 Our World in Data, Working women: Key facts and trends in female labour force participation, <https://ourworldindata.org/female-labor-force-participation-key-facts>.
- 12 Kompetenzzentrum Frauen in Wissenschaft und Forschung, Entwicklung des Studentinnenanteils in Deutschland seit 1908, <https://www.gesis.org/cews/unser-angebot/informationsangebote/statistiken/thematische-suche/detailanzeige/article/entwicklung-desstudentinnenanteils-in-deutschland-seit-1908/>.
- 13 School Enrollment, Tertiary, Saudi Arabia, World Bank, 2018, <https://data.worldbank.org/indicator/SE.TER.ENRR?locations=SA>.
- 14 Global Gender Gap report 2018, <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2018/key-findings/>.
- 15 “Historical Background and Development Of Social Security,” Social Security Administration, <https://www.ssa.gov/history/briefhistory3.html>.
- 16 Tuberculosis Treatment, Mayo Clinic, <https://www.mayoclinic.org/diseases-conditions/tuberculosis/diagnosis-treatment/drc-20351256>.
- 17 Термин «глобальная деревня» был предложен канадским философом Маршаллом Маклюэном в 1960-х годах.
- 18 “The World Economic Forum, a Partner in Shaping History, 1971–2020,” p.16 [http://www3.weforum.org/docs/WEF\\_A\\_Partner\\_in\\_Shaping\\_History.pdf](http://www3.weforum.org/docs/WEF_A_Partner_in_Shaping_History.pdf).
- 19 The Davos Manifesto, 1973, World Economic Forum, <https://www.weforum.org/agenda/2019/12/davos-manifesto-1973-a-code-of-ethics-for-business-leaders/>.
- 20 “A Friedman Doctrine—The Social Responsibility of Business Is to Increase Its Profits,” Milton Friedman, *The New York Times*, September 1970, <https://www.nytimes.com/1970/09/13/archives/a-friedman-doctrine-the-social-responsibility-of-business-is-to.html>.
- 21 *The New York Times Magazine*, “What Is Fukuyama Saying? And to Whom Is He Saying It?,” James Atlas, October 1989, <https://www.nytimes.com/1989/10/22/magazine/whatis-fukuyama-saying-and-to-whom-is-he-saying-it.html>.
- 22 “Pioneers in China,” 1993, ZF Heritage, [zf.com/mobile/en/company/heritage\\_zf/heritage.html](https://www.zf.com/mobile/en/company/heritage_zf/heritage.html).
- 23 Eurofound, “Pacts for Employment and Competitiveness: Ravensburger AG,” Thorsten Schulten, Hartmut Seifert, and Stefan Zagelmeyer, April 2015, <https://www.eurofound.org>.

europa.eu/es/observatories/eurwork/case-studies/pecs/pacts-for-employment-and-competitiveness-ravensburger-ag-0.

- 24 GDP Growth, Annual (%), 1961–2019, The World Bank, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG>.
- 25 International Monetary Fund, New Data on Global Debt, <https://blogs.imf.org/2019/01/02/new-data-on-global-debt/>.
- 26 Gross debt position, Fiscal Monitor, April 2020, International Monetary Fund, <https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/FM>.
- 27 Global Footprint Network, <https://www.footprintnetwork.org/2019/06/26/press-releasejune-2019-earth-overshoot-day/>.

## ГЛАВА 2



# «ПРОКЛЯТИЕ» КУЗНЕЦА

## *Проблемы мировой экономики сегодня*

**Н**АВЕРНОЕ, НИКТО НЕ СМОГ БЫ ЛУЧШЕ СОСТАВИТЬ ТОЧНУЮ КАРТИНУ современной мировой экономики, чем это сделал Саймон Кузнец, американский экономист, родившийся в России и умерший в 1985 году (1).

Сразу напрашивается вопрос, а какое отношение человек, скончавшийся в середине 1980-х годов, имеет к современным мировым экономическим вызовам? Я считаю, что сегодняшние проблемы, возможно, не были бы столь драматичными, если бы мы прислушались к тому, что говорил этот нобелевский лауреат в области экономики.

Еще более 80 лет назад Кузнец предупреждал, что валовой внутренний продукт (ВВП) – плохой ориентир при выработке экономической политики. По иронии судьбы, ранее он сам участвовал в разработке концепции ВВП и приложил руку к тому, чтобы тот стал «Священным Граалем» экономического роста. Ученый также предупреждал, что его собственная «кривая Кузнецца», показывающая, что уровень неравенства доходов снижается по мере роста экономики, опиралась на «ненадежные данные» (2), отражающие показатели за относительно короткий период послевоенного экономического чуда на Западе в 1950-х гг. Если бы исследуемый им период был признан аномальным, это привело бы к опровержению теории его кривой. Кузнец также никогда не соглашался с ответвлением, так называемой «экологической» «кривой Кузнецца», согласно которой страны будут также демонстрировать снижение наносимого ими ущерба окружающей среде по мере достижения определенного уровня развития.

Сегодня мы пожинаем плоды недостаточной беспристрастности своих исследований и излишней догматичности убеждений. Рост ВВП стал всепоглощающей целью и в то же время сошел на нет. Наша экономика никогда еще не достигала столь высокого уровня развития, но при этом показатель неравенства доходов, наверное, никогда не был столь плох. Вместо того чтобы наблюдать, как на наших глазах снижается уровень загрязнения окружающей среды, мы видим, как разгорается глобальный экологический кризис.

И многочисленные экономические кризисы, с которыми нам сегодня приходится бороться, вполне могут быть своего рода результатом «проклятия» Кузнеца. Это ультимативное «я же вам говорил» экономиста, чьи идеи часто неправильно истолковывают, и то, что создает ощущение предательства лидеров, испытываемое людьми. Но прежде чем углубиться в суть этого «проклятия», давайте посмотрим, кем был Саймон Кузнец, и выясним, чем он запомнился.

## **ПЕРВОЕ «ПРОКЛЯТИЕ» КУЗНЕЦА: ВВП КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РАЗВИТИЯ**

Саймон Смит Кузнец родился в Пинске (в Российской империи), в 1901 году в еврейской семье (3). После школы, где у него обнаружили большие склонности к математике, продолжил изучать экономику и статистику в Харьковском университете. Достигнув совершеннолетия, несмотря на многообещающие успехи в учебе, он не захотел оставаться на родине. В 1922 году Красная армия выиграла многолетнюю гражданскую войну в России. В период становления Советского Союза Кузнец, как и тысячи других, эмигрировал в Соединенные Штаты. Там он, получив докторскую степень по экономике в Колумбийском университете, устроился в Национальное бюро экономических исследований (NBER), авторитетную научно-исследовательскую организацию, занимающуюся анализом экономики. Здесь он и построил блестящую карьеру экономиста.

Время было выбрано как нельзя более удачно. Спустя многие годы с момента его приезда в США, страна превратилась в ведущую мировую экономику, и Кузнец помог ей осмыслить свое новое положение в мире. Он предложил ключевые концепции, такие как национальный доход (предвестник ВВП) и годовые темпы экономического роста, которые и по сей день доминируют в экономической науке и в разра-

ботке и проведении экономической политики. Он стал одним из самых выдающихся экономистов мира.

Кривая экономического развития Соединенных Штатов в те годы была нестабильной. В 1920-е годы, благодаря Первой мировой войне, страна переживала активный рост экономики. США превратились

в мощную политическую и экономическую державу и встали в один ряд с уже сильно ослабленной Британской империей. Великобритания доминировала в мире со времен Первой промышленной революции, контролируя треть всего мира. И так было вплоть до 1914 года. В свою очередь, Америка стала лидером Второй промышленной революции, развернувшейся после Первой мировой войны. Американские производители смогли предложить огромному внутреннему рынку

”

**ВВП расскажет, что экономика может произвести, когда страна находится в состоянии войны, но не о том, как сделать людей счастливыми в мирное время.**

такие современные товары, как автомобили и радиоприемники, пользовавшиеся бешеным спросом у местных потребителей. Благодаря царившему в стране духу свободной торговли и следованию капиталистическим принципам, США переживали постепенно ускоряющийся рост инвестиций, инноваций, производства, потребления и торговли, превращаясь в самую богатую страну в мире по уровню ВВП на душу населения.

Но опьянение «ревущих двадцатых» сменилось катастрофой Великой депрессии. К 1929 году бурно развивающаяся экономика вышла из-под контроля. Уровень неравенства доходов достиг заоблачных высот, когда в руках небольшой группки людей типа Джона Д. Рокфеллера оказался контроль над огромными богатствами и экономическими активами, в то время как многие рабочие и фермеры чаще всего едва выживали, по-прежнему находясь в зависимости от зарплаты или проданного урожая. Более того, постоянно растущий фондовый рынок, не подкрепленный соответствующими темпами в реальной экономике, означал, что финансовые спекуляции приближались к апогею. В конце октября 1929 года произошел грандиозный обвал фондового рынка, вызвавший цепную реакцию по всему миру. Люди отказывались от выполнения своих финансовых обязательств, ресурсы кредитных рынков иссякли, уровень безработицы взлетел до небес,

потребители перестали тратить деньги, усиливался протекционизм. В мире наступил кризис, из которого он не смог выбраться до окончания Второй мировой войны.

Пытаясь найти решение, как сдержать, а затем и положить конец кризису в стране, политическое руководство США не могло найти ответ на главный вопрос: насколько все плохо на самом деле? И как узнать, насколько эффективными были принятые меры? Вычисляемых экономических показателей на тот момент было мало, а показатель ВВП, который мы используем сегодня для оценки экономики, еще не был изобретен.

И тут появляется Саймон Кузнец. Специалист в области статистики, математики и экономики, он разработал стандартную методику измерения валового национального дохода (ВНД) и валового национального продукта (ВНП) США. Кузнец был убежден, что данный показатель даст лучшее представление о том, сколько товаров и услуг произведено компаниями, которыми владеют граждане США, за конкретный год. Несколько лет спустя он также стал интеллектуальным вдохновителем уже самого ВВП, представив несколько иную концепцию в отчете Конгрессу США за 1937 год (4). (ВВП учитывает лишь товары и услуги, произведенные на территории страны, в то время как ВНД или ВНП включают доходы или продукцию, произведенную за границей компаниями, принадлежащими гражданам страны.)

Это был гениальный ход. До конца 1930-х годов другие экономисты активно помогли стандартизировать показатель экономической эффективности и сделать его общепринятым. К моменту проведения Бреттон-Вудской конференции в 1944 году ВВП утвердили в качестве основного инструмента оценки экономики (5). Определение ВВП, которое использовалось тогда, актуально и сегодня: ВВП – это общая стоимость всех товаров, произведенных на территории страны, с поправкой на ее торговый баланс. Существуют различные методы расчета ВВП, но, вероятно, наиболее распространенным является так называемый метод расчета «по расходам», когда общий ВВП представляет собой суммарную величину всего потребления (с поправкой на экспорт и импорт):

$$\begin{aligned} \text{Валовой внутренний продукт} &= \text{Потребление} + \\ &+ \text{Государственные расходы} + \text{Капиталовложения} \\ &\quad \text{частного сектора} + \text{Экспорт} - \text{Импорт} \end{aligned}$$

С тех пор ВВП стал показателем, который вы всегда найдете в отчетах Всемирного банка и МВФ по той или иной стране. Рост ВВП вселяет в простых граждан и компании надежду, а когда он снижается, правительства делают все, чтобы изменить тенденцию. Несмотря на кризисы и спады, история глобальной экономики в целом — это история роста, поэтому мир безоговорочно считал его чем-то хорошим.

Но у этой истории неприятный финал, и мы могли бы его предвидеть, если бы послушали самого Саймона Кузнецца. В 1934 году, задолго до Бреттон-Вудского соглашения, Кузнец предупредил Конгресс США, чтобы тот не концентрировался исключительно на ВВП/ВВП: «Уровень благосостояния нации вряд ли можно вывести из показателя национального дохода», — заявил он (6) и был прав. ВВП способен рассказать об уровне потребления, но не о благосостоянии. ВВП содержит информацию о производстве, но не о загрязнении окружающей среды или использовании ресурсов. По ВВП можно оценить государственные расходы и капиталовложения частного сектора, но не качество жизни. Экономист из Оксфорда Дайан Койл в интервью в августе 2019 года (7) высказал мнение, что на самом деле ВВП был «показателем, годным для военного времени».

ВВП расскажет, что экономика может произвести, когда страна находится в состоянии войны, но не то, как сделать людей счастливыми в мирное время.

Но никто не обращал внимания на это предупреждение. Политический истеблишмент и центральные банки сделали все возможное, чтобы поддержать рост ВВП. На сегодняшний день они исчерпали свои возможности. Показатель ВВП растет не так, как раньше, а кривая благосостояния давно перестала двигаться вверх. Общество охватило чувство перманентного кризиса, и, возможно, не без оснований. Кузнец знал, что нам ни в коем случае не следовало делать показатель роста ВВП единственным ориентиром проводимой политики. Увы, такова реальность. Рост ВВП является нашим ключевым показателем, и он перманентно замедляется.

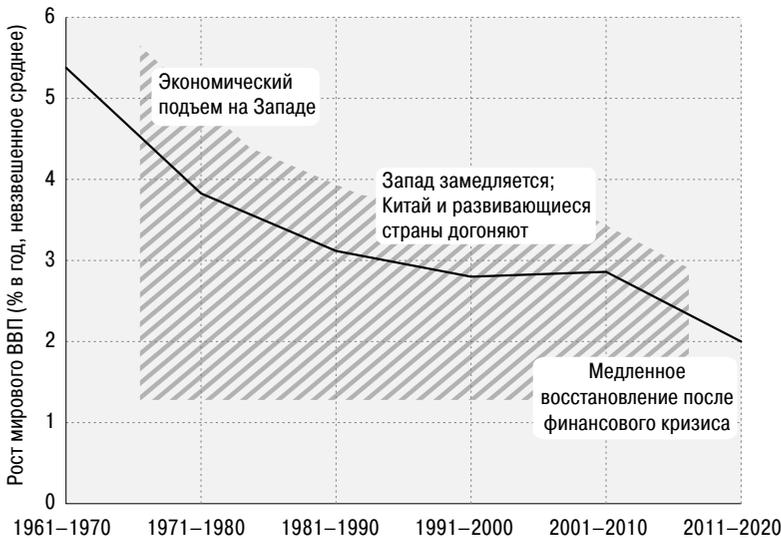
## **НИЗКИЕ ТЕМПЫ РОСТА ВВП**

Как мы отмечали в главе 1, мировая экономика за последние 75 лет пережила как большое количество стремительных взлетов, так и несколько болезненных рецессий. Но подъем, начавшийся в 2010 году,

был вялым. Если до начала 1970-х годов глобальный рост (8) достигал пиков в 6% и более в год, а после, вплоть до 2008 года, в среднем сохранял уровень не менее 4%, то с тех пор он упал до 3% и ниже (9) (см. иллюстрацию 2.1).

3% имеют особое значение, потому что долгое время в традиционной экономической теории это было критерием «соответствует/не соответствует». Действительно, примерно десять лет назад *Wall Street Journal* писал: «Раньше главные экономисты МВФ называли глобальный рост ниже 3% или 2,5% – в зависимости от того, кто был главным экономистом организации – рецессией» (10). Одно из объяснений вытекает из простой арифметики: с 1950-х годов до начала 1990-х годов глобальный демографический рост практически неизменно держался на уровне 1,5% в год и выше (11).

Глобальный рост, который лишь немного превышал темпы роста народонаселения, означал, что значительная часть жителей планеты фактически испытывала нулевой или отрицательный экономический рост. Подобные экономические условия демотивируют работников компаний и сами компании, а также политический истеблишмент, поскольку указывают на ничтожные шансы на улучшение.



**Иллюстрация 2.1. С 1960-х годов рост мирового ВВП имеет тенденцию к снижению.**

Источники: На основе данных Всемирного банка о росте ВВП (% в год), 1960–2019 гг.

Возможно, экономисты изменили определение глобальной рецессии в ответ на замедление экономического роста. Но это не отменяет того обстоятельства, что с тех пор мировая экономика растет вяло. Фактически, экономический рост на уровне менее 3% в год стал новой нормой. Даже до пандемии COVID-19 эксперты МВФ не ожидали, что показатель роста мирового ВВП вернется на уровень выше 3% в течение следующих пяти лет (12), (13), (14), на прогноз также негативно повлиял сильнейший в текущем столетии кризис в здравоохранении.

С точки зрения общепринятой экономической догмы, ситуация могла бы привести к системным расколам, поскольку люди привыкли к экономическому росту. На это есть две причины.

Во-первых, рост мирового ВВП – совокупный показатель, за которым скрываются некоторые зачастую еще менее позитивные национальные и региональные реалии. Например, в Европе, Латинской Америке и Северной Африке реальный рост приближается к нулю. Страны Центральной или Восточной Европы, которые все еще догоняют своих западных или северных соседей, столь низкие темпы роста просто демотивируют. Это может ускорить «утечку мозгов», поскольку образованные люди с мотивацией ищут экономические возможности в странах с более высоким уровнем доходов населения, тем самым усугубляя проблемы стран исхода. Это же касается и таких регионов, как Ближний Восток, Северная Африка и Латинская Америка, где доходы многих жителей до сих пор не достигли минимума для поддержания образа жизни представителя среднего класса и где налицо нехватка рабочих мест, способных гарантировать устойчивое материальное положение, равно как социальное и пенсионное обеспечение.

Во-вторых, в регионах, где рост ВВП выше среднего, например в странах Африки, расположенных к югу от Сахары, даже роста валовых показателей на 3% и более в год недостаточно, чтобы обеспечить быстрый рост дохода на душу населения, с учетом столь же высоких темпов роста народонаселения. В число стран с низким и средним уровнем дохода на душу населения, продемонстрировавшим относительно высокий уровень роста ВВП в последние годы, входят Кения, Эфиопия, Нигерия и Гана. (15) Но даже если они в обозримом будущем будут стабильно расти на 5% в год, может потребоваться целое поколение (15–20 лет), чтобы доходы населения увеличились вдвое. (При условии, что плоды экономического роста в большей степени отразятся на всех, чего зачастую не бывает.)

Рывок и общий экономический рост, подобный тому, что демонстрировал Китай в начале XXI века, требуют реальных темпов роста в 6–8% в наименее развитых странах. Без такого стремительного роста экономики существенное сближение экономических показателей уровня жизни между Севером и Югом, как предсказывают некоторые экономисты, будет происходить очень медленно, если вообще произойдет. Как сказал Робин Брукс, главный экономист Института международных финансов (ИМФ), Джеймсу Уитли из *Financial Times* в 2019 году: «Все чаще и чаще говорят, что история роста развивающихся рынков уже подошла к концу. Премии за рост больше не будет» (16).

Если взглянуть шире, чем оценка ВВП, то мы вряд ли увидим более радужные перспективы. Другие экономические показатели, особенно уровень долга и производительность, также задают неверное направление.

## РАСТУЩИЙ ДОЛГ

Рассмотрим сначала растущий долг. По данным Института международных финансов, мировой долг, включая государственный, корпоративный и долги домохозяйств, к середине 2020 года составлял порядка 258 триллионов долларов США (17), что в три с лишним раза больше мирового ВВП. Это число невозможно себе представить, потому что оно огромно и включает в себя все виды долгов, от государственного, проданного через гособлигации, до ипотеки простых граждан.

Но в последние годы он быстро растет, что, безусловно, «тревожно». Такими опасениями в октябре 2020 года поделился с миром Джеффри Окамото из МВФ. По подсчетам *Wall Street Journal*, ни разу со времен Второй мировой войны уровень долга в странах с развитой экономикой не был столь высоким (18), и в отличие от послевоенного периода «быстрый рост экономики больше не помогает» этим странам снизить их финансовое бремя в будущем.

Пандемия COVID-19 дала толчок к активному наращиванию долговой нагрузки, особенно государственной, по всему миру. По данным МВФ, к середине 2021 года всего за 18 месяцев, «ожидается, что в среднем долг вырастет на 17% в странах с развитой экономикой, на 12% в странах с формирующейся рыночной экономикой и на 8% в странах с низким уровнем доходов населения» (19) по сравнению с уровнем до пандемии.

Но и до пандемии все последние 30 лет долги только росли. Вот лишь один пример: в странах с развитой экономикой государственный долг вырос примерно с 55% в 1991 году до более чем 70% в 2001 году и более 100% в 2011 году. Ожидается, что в 2021 году он уже составит более 120% (20).

Столкнувшись в последние десятилетия с замедлением глобального роста, особенно в странах с развитой экономикой, правительства, компании и домохозяйства тем не менее продолжали увеличивать свой долг. Правильно ли они поступили? Теоретически, да. Когда заемные средства используются для инвестирования в производственные активы, они могут стать драйвером будущего экономического роста и процветания. Но, конечно, весь долг в какой-то момент должен быть погашен (если только его не «съела» инфляция, но в среднем в странах с развитой экономикой в последние 20 лет ее показатель составлял менее 2% в год (21)). Единственный альтернативный вариант — объявление дефолта, но это сродни игре в русскую рулетку.

Итак, какого рода долги накопились за последние годы? Государственный долг часто представляет собой сочетание долгов высокого и низкого качества. Первые включают в себя, например, привлеченные средства на создание современной инфраструктуры или инвестиции в образование. Как правило, с течением времени качественные долги возвращаются и, вероятно, даже могут обеспечить определенную отдачу на инвестиции.

Такие проекты следует поощрять. В свою очередь, долги низкого качества — те средства, которые при дефицитном бюджете тратятся на увеличение потребления и не приносят никакой прибыли даже с течением времени. Таких долгов следует избегать.

В целом можно с уверенностью сказать, что долги низкого качества растут. Отчасти это связано с тем, что низкие процентные ставки на Западе стимулируют кредитование, что не способствует умеренности заемщиков в их расходах. Для правительств дефицитный бюджет в последние десятилетия стал скорее нормой, чем исключением. Разразившийся в первые месяцы 2020 года кризис, связанный с пандемией COVID-19, не сделал картину более радужной. Многие правительства фактически «разбрасывали деньги с вертолета» для поддержания экономики: они печатали деньги, наращивая долг перед своими центральными банками, и раздавали их гражданам и предприятиям в виде разовых субсидий, талонов на продукты и ТНП, чтобы помочь пережить кризис. В краткосрочной перспективе такой подход был необходим,

чтобы предотвратить еще более серьезную экономическую катастрофу. Но в конечном итоге и эти долги придется возвращать. В целом, в последние годы уже накопившиеся огромные обязательства только увеличивались, — речь о средствах, которые не были использованы для стимулирования долгосрочного экономического роста или перехода к более устойчивой экономической системе. И этот долг останется висеть камнем на шее многих правительств.

Одна надежда на формирующиеся и развивающиеся рынки. До пандемии COVID-19 у них был относительно более низкий уровень госдолга — порядка 50–55% (22), большая часть которого связана с развитием инфраструктуры (хотя во время кризиса из-за пандемии долг вырос примерно на 10%). Считается, что у некоторых стран есть демографический бонус в виде значительной доли населения со средним возрастом около двадцати лет, то есть налицо сильный перекося в сторону более молодого поколения. Такая демографическая пирамида может сделать выплату долга более осуществимой, если грядущий рост трудоспособного населения дополнит столь же активное увеличение количества рабочих мест. (Последнее, однако, весьма проблематично, как уже показала практика ряда арабских и африканских стран. В условиях нехватки рабочих мест демографический бонус может превратиться в бомбу замедленного действия (23), (24).)

Под вопросом и то, как некоторые западные страны со стареющим населением собираются погашать свои долги в условиях замедляющейся экономики. Исторически странами с самой высокой государственной долговой нагрузкой были Япония и Италия. Наряду с большими долгами, население этих стран одно из самых быстро сокращающихся и стареющих в мире. Несмотря на то что частные сбережения японских домохозяйств способны облегчить решение многих наиболее острых проблем, вызванных этой тенденцией, проблема госдолга рано или поздно вернется, чтобы преследовать страну. Уже в течение ближайших 30 лет население Японии сократится со 127 миллионов до менее чем 100 миллионов человек, а соотношение работающих и пенсионеров снизится еще больше. Это легко может увеличить долговую нагрузку на душу населения еще на четверть или даже на треть (25).

Другие европейские страны, такие как Франция, Испания, Бельгия и Португалия, валовой государственный долг которых перевалил за отметку 110% ВВП (26) (а нередко уже и значительно более высокие отметки), однажды обнаружат, что их ждет такая же судьба. Важным событием стало присоединение к Клубу «100 процентов и выше» в начале

2010-х годов Соединенных Штатов, чей долг активно рос в последующие годы и в 2020 году уже перевалил за отметку 130% (27). Ситуация в США особенно вызывает ощущение неопределенности, поскольку их государственные облигации — одни из самых торгуемых в мире ценных бумаг, а доллар США де-факто является мировой резервной валютой. Дефолт правительства США маловероятен, если учесть, что Федеральной резервной системе ничто не мешает в любой момент включить печатный станок, но если это все же произойдет, то всемирная экономическая система в известном нам виде может рухнуть.

С финансовой точки зрения серьезные проблемы действительно возникают при сочетании высокого долга и низкого экономического роста. В условиях ожидания роста на 3% и более вопрос государственного долга быстро отойдет на второй план: относительная важность прошлых долгов снизится на фоне растущего ВВП. Даже в недавнем прошлом таким странам, как Германия и Нидерланды, удалось значительно снизить долговую нагрузку на фоне активного экономического роста. Но если низкие темпы роста все же станут новой нормой, что кажется вполне вероятным, то у стран пока нет понятного механизма погашения накопившихся долгов. Если просто закрыть на них глаза, это, конечно, не решит проблему.

## **НИЗКИЕ ПРОЦЕНТНЫЕ СТАВКИ И НИЗКИЙ УРОВЕНЬ ИНФЛЯЦИИ**

До сих пор единственным спасательным кругом при низких темпах роста и высоком долге были низкие процентные ставки. Как известно большинству домовладельцев и студентов-заемщиков, низкие проценты по кредиту — это благо. Такие условия позволяют выплачивать долг, не беспокоясь о росте долговой нагрузки.

После финансового кризиса с подачи центральных банков ряда стран началась эра низких процентных ставок — правительствам, компаниям и частным потребителям низкие процентные ставки представляли как некую форму помощи. Цель состоит в том, чтобы в конечном итоге восстановить высокие темпы роста за счет того, что люди больше потребляют, компании больше инвестируют и правительства больше тратят.

С 2009 г. по 2016 г. в Соединенных Штатах Федеральная резервная система удерживала процентные ставки практически на уровне нуля.

Затем они постепенно подняли их вновь до 2,5 %, что составляет половину исторически сложившейся обычной ставки. Но в 2019 году ФРС снова несколько раз снижала процентные ставки (28), а когда разразилась пандемия COVID-19, она уронила их до 0,25% (29). Учитывая сложную макроэкономическую обстановку, вряд ли стоит ожидать возврата к высоким процентным ставкам в ближайшее время. В других странах с развитой экономикой ставки еще ниже. С 2012 г. Европейский центральный банк удерживал базовую ставку по кредитам для еврозоны на уровне менее 1%, а с 2016 года снизил ее до нуля. В большинстве других европейских стран такие же низкие ставки; Япония и Швейцария даже взимают плату за покупку облигаций, что фактически означает, что у них отрицательная процентная ставка.

Как уже говорилось выше, это благо как для правительств и компаний, так и частных лиц, которые хотят и берут новые ссуды и кредиты, а также для тех правительств, которые стремятся рефинансировать свой накопившийся долг. Некоторые эксперты могут даже пойти дальше и заявить, что соотношение накопленного долга и уровня ВВП не является столь уж серьезной проблемой, как кажется, благодаря постоянному рефинансированию.

Однако они не учитывают, что проблемы с погашением быстро выйдут из-под контроля в случае увеличения дефицита государственного бюджета для финансирования прочих обязательств. Расходы на выплату пенсий, здравоохранение и поддержание инфраструктуры ложатся все более тяжелым бременем на плечи правительства, не говоря уже о потребительских субсидиях, например когда правительство за счет компенсаций удерживает более низкие цены на нефтепродукты и газ для частных потребителей (30). Таким образом, они плодят низкокачественные долги, и от этой практики очень трудно отказаться, учитывая ее популярность у избирателей.

Примечательно, что, по данным Всемирной организации здравоохранения, в период с 2000 г. по 2016 г., то есть задолго до разразившейся пандемии COVID-19, государственные расходы на здравоохранение уже выросли на 66% (31). В тот же период рост ВВП в странах ОЭСР составил всего 19%. В совокупности госрасходы на здравоохранение в странах ОЭСР в настоящее время составляют порядка 7% ВВП, причем максимальные показатели в США и Швейцарии еще в два раза выше, и доля таких расходов будет только расти по мере старения населения и увеличения количества вирусов и даже неинфекционных заболеваний, угрожающих жизни населения.

Если правительства не смогут переложить эти расходы на плечи граждан, то многим из них будет все труднее сбалансировать свой дебет и кредит.

Государственные обязательства растут. По оценкам Global Infrastructure Hub, с 2016 г. по 2040 г. мир столкнется с дефицитом финансирования инфраструктурных проектов в размере 15 трлн долларов США (32). Но инвестиции в инфраструктуру способны приносить прибыль. Вопрос же пенсий и пенсионных накоплений содержит на порядок больше проблем, а отдача намного ниже: при сохранении сегодняшней политики, по оценке Всемирного экономического форума (33), разрыв между пенсионными накоплениями и выплатами к 2050 году вырастет до 400 трлн долларов США (речь идет лишь о восьми странах мира с крупнейшими пенсионными системами с необеспеченными государственными пенсионными обязательствами, на которые и придется львиная доля этого дефицита).

К долговому бремени добавляется еще и низкий уровень инфляции. Исторически сложилось так, что процентные ставки и инфляция, как правило, находились в обратной зависимости друг от друга, и центральные банки использовали свое право установления процентных ставок в качестве средства либо сдерживания инфляции, либо ее стимулирования. Установив высокие процентные ставки, центральные банки поощряли простых граждан, компании и правительства копить, а не тратить деньги, ослабляя тем самым давление на цены. Установив низкие процентные ставки, они, наоборот, стимулировали всех тратить деньги и повышать цены, поскольку сбережения в любом случае не могли бы принести какого-либо существенного дохода.

Однако примерно через десять лет на Западе (в первую очередь в Европе и Японии) эта обратная зависимость практически перестала работать. Несмотря на годы почти нулевых процентных ставок, инфляция тоже зачастую оставалась немногим выше нуля. Хотя в краткосрочной перспективе это не представляет собой серьезной проблемы, но лишает долгосрочных рычагов воздействия на долговую нагрузку. С ростом цен, как правило, несколько ослабевает и бремя номинального долга. Однако при неизменных ценах накопленный долг завтра останется не менее тяжким бременем, чем сегодня.

Зависимость между низкими темпами роста, низкими процентными ставками, низким уровнем инфляции и увеличением долга имеет и еще одну составляющую, которая может оказаться самой губительной из всех: замедление роста производительности.

## ЗАМЕДЛЕНИЕ РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ

Многие структурные проблемы, описанные в этой главе, усугубляются низким приростом производительности в последние годы. Безусловно, рост производительности, возможно даже в большей степени, чем демографический рост, стал причиной быстрого увеличения доходов среднего класса на Западе в течение первых десятилетий после окончания Второй мировой войны.

Толчком к росту производительности чаще всего становятся инновационные решения, связанные с тем, из чего или как мы что-то делаем. Известные примеры повышения производительности: появление сборочной линии на заводе Ford в начале 1900-х годов; приход цифровых вычислительных машин на смену арифмометрам в 1970-х и 1980-х годах; или оптимизация маршрута такси благодаря таким приложениям, как Waze, в наши дни. Такие инновации позволяют конкретному работнику производить ту же продукцию или выполнять ту же работу за значительно меньшее количество времени. Это, в свою очередь, позволило компаниям повысить заработную плату.

В прошлом мир не раз переживал периоды существенного роста производительности, что приводило к значительному увеличению заработной платы. Например, во времена золотого века капитализма в Америке в 1950-е и 1960-е годы ежегодный рост производительности составлял почти 3% в год (34). Но впоследствии он сильно снизился, и, что самое плохое, даже когда темпы восстановились, лишь малая часть дополнительно заработанных денег шла на повышение зарплаты рядовым работникам американских корпораций. Вместо этого деньги оседали у владельцев и руководителей компании, явление, известное как «отделение» заработной платы от роста производительности (35).

После финансового кризиса 2007–2009 г. рост производительности труда в США упал до очень скромного уровня в 1,3% в год. Эта проблема означает, что теперь невозможно «испечь большой пирог», которого хватило бы на всех. Сегодня распределение экономической выгоды схоже с игрой, где лишь один победитель. Другие страны, такие как Германия, Дания и Япония, лучше поддерживали процесс прироста производительности и использовали полученные дополнительные средства на повышение заработной платы. Но направление